

Свисток, возвещающий об окончании тренировочного матча, только затих, а трибуны уже взорвались.

Линь Е стоял на коленях на газоне, упираясь руками в землю и тяжело дыша. Его формовая футболка насквозь пропиталась потом и плотно прилипла к спине, напоминая содранную старую рану. Он забил гол: обыграл двоих защитников подряд, ложным движением уложил еще парочку и нанес финальный удар в касание — мяч, чиркнув по внутренней стороне штанги, влетел в сетку. Никто не ожидал, что этот парень ростом метр шестьдесят восемь, которого вся команда звала коротышкой-забиякой, сможет фирменным финтом Лу Цзина прорвать оборону.

Се Линь стоял перед тренерской скамьей, засунув руки в карманы брюк, и не двигался с места.

Затем он поднял руку.

Хлопки — резкие, неторопливые, словно удары маятника в тишине ночи.

Поле мгновенно затихло, все взгляды приковались к нему. Кто-то замер в изумлении, кто-то зашептался, кто-то отказывался верить своим глазам: Се Линь, который никогда никому не аплодировал, никогда не хвалил и даже победы воспринимал как нечто рутинное, вдруг хлопает какому-то запасному?

И только Лу Цзин не сводил глаз с номера на футболке Линь Е.

Семнадцатый.

Он помнил этот номер. Семь лет назад, в канун финала, он в футболке под семнадцатым номером, шлепая по лужам, ворвался в штрафную и левой ногой закрутил мяч в самую «девятку». Но в тот самый момент, когда он приземлился, шипы бутсы центрального защитника соперника сбоку со страшной силой врезались ему в наружную сторону колена.

Звук ломающейся кости прозвучал громче ликования трибун.

Лежа на траве, он слышал, как Се Линь выкрикивает его имя, как свистит судья, как визжат зрители. Но единственное, что врезалось ему в память, — это как он, преодолевая боль, поднимается, подбирает мяч и с улыбкой говорит Се Линю: «Тренер, я еще могу играть».

Тогда он думал, что Се Линь переживает за него.

Теперь же он понял: Се Линь просто боялся, что он умрет.

Линь Е поднялся, отряхнул с брюк травинки и решительно направился к Лу Цзину. Он ничего

не сказал, лишь вытащил из внутреннего кармана футболки сложенный пополам клочок бумаги и аккуратно сунул его в руку Лу Цзину.

Лу Цзин не стал разворачивать записку.

Линь Е повернулся и ушел. Его худая мальчишеская фигура выглядела удивительно прямой.

Лу Цзин сжимал в пальцах бумажку, и кончики его пальцев горели. Он не посмотрел ни на Се Линя, ни на кого-либо еще, а просто развернулся и побрел в раздевалку. Шаги его казались такими тяжелыми, будто он волочил за собой железные цепи.

Замок двери в подвал проржавел, и ему потребовалось пнуть ее трижды, чтобы распахнуть. Железная дверь со скрипом отворилась, словно стонущий старик при смерти. Он включил свет: тусклое сияние озарило стены, сплошь увешанные тактическими досками, а в лучах света заплясали пылинки. Подойдя к углу, он приподнял расшатанную половицу — под ней прятался кожаный блокнот, тисненные золотом буквы на обложке которого давно выцвели, оставив лишь смутную букву J.

Он раскрыл его на середине: одна из страниц была вырвана так, что остался лишь клочок края, но на нем все еще виднелись вдавленные следы от чернильницы. Это был почерк Се Линя. Страницы пестрели записями о тройных обманных финтах, обмане центра тяжести, ложном замахе левой и резком уходе вправо под внутреннюю сторону стопы. Рядом были густо нарисованы стрелочки человеческих центров тяжести — чертеж выглядел словно карта, ведущая к победе.

Се Линь написал это собственной рукой специально для него, а потом вырвал страницу.

Потому что сказал тогда: «Это слишком опасно, это калечит».

Но Лу Цзин знал: Се Линь уничтожил не тактику. Он боялся, что тот снова применит этот прием и кому-то опять сломают ногу.

Лу Цзин швырнул блокнот на скамью, резко развернулся и распахнул железную дверь.

Линь Е стоял снаружи и никуда не ушел.

Он молчал, заложив руки за спину и опустив голову, словно ожидая приговора.

— Где ты этому научился? — спросил Лу Цзин.

Линь Е поднял голову, и его глаза жутко блестели:

— Я пересмотрел записи каждой твоей игры. Я записывал каждую твою тренировку. То, как ты играешь... похоже на битву со всем миром.

— Ты знаешь, насколько это опасно?

— Знаю, — голос Линь Е дрожал. — Семь лет назад ты забил этим голом, а потом тебе сломали ногу. Все говорили, что ты сошел с ума, что ты не ценишь жизнь. Но я... я хотел знать: почему ты все равно продолжал это делать?

Лу Цзин молчал.

Он подошел, рывком схватил Линь Е за воротник, втащил в подвал и запер дверь на засов.

— Слушай сюда, — понизил он голос так, будто говорил о чем-то запретном. — Это не финт. Это ловушка. Она обманывает не ноги, она обманывает человеческое сердце. Ты заставляешь соперника поверить, что сейчас сменишь направление, хотя на самом деле стоишь на месте. Ты ждешь, пока его центр тяжести подастся вперед, пока у него ослабнут ноги, пока он... не решит, что победил.

Он схватил мел и нарисовал на стене три точки.

— Первое: ты должен заставить его поверить, что ты его боишься.

— Второе: ты должен заставить его поверить, что ты вот-вот упадешь.

— Третье...

Лу Цзин внезапно замолк. Его взгляд скользнул по футболке Линь Е, а затем упал на тот самый клочок бумаги.

Он развернул записку.

Там было всего одна строка:

Я знаю, почему ты вернулся. И я тоже хочу вместо тебя выиграть у них.

Пальцы Лу Цзина слегка дрогнули.

Он сунул мел в руку Линь Е.

— Ты играешь не вместо меня. Ты играешь за себя самого.

Он повернулся, распахнул железную дверь и, не оглядываясь, бросил:

— Завтра в четыре утра, здесь. Если хватит смелости прийти, я научу тебя настоящему запрещенному дриблингу.

Дверь захлопнулась. Линь Е так и остался стоять на месте, сжимая в руке кусок мела, а с его глаз на бумагу капали слезы.

Снаружи, прислонившись спиной к стене, стоял Се Линь. Его спина была прямой, как у изваяния, источенного ветром.

В руке он сжимал совершенно новый тактический план на листе формата А4 — с ровными краями и еще не высохшими чернилами. Он потратил на его создание три бессонные ночи: новая схема, новые замены, новые направления атак — идеальные, выверенные, безупречные.

Он опустил глаза на лист.

Но его пальцы так и не разжались.

Он слышал голос Лу Цзина из подсечно-темного подвала — низкий, свирепый, словно загнанный в угол зверь учит детеныша рвать врага на части.

Он слышал дыхание Линь Е — учащенное, дрожащее, похожее на натянутую до предела струну.

Он слышал собственное сердцебиение. Удар за ударом — точно так же, как семь лет назад в раздевалке, когда Лу Цзина уносили на носилках, а в его собственном кармане лежали те карманные часы: секундная стрелка все еще шла, но мир вокруг уже остановился.

Он не шевелился.

Пока в три часа ночи в подвале не погас свет.

Линь Е ушел, его шаги были легки, как падающие листья.

Тогда Се Линь медленно поднял голову и посмотрел на эту плотно закрытую железную дверь.

Он поднял руку, намереваясь развернуть тактическую схему.

Но пальцы замерли в воздухе на три секунды, а затем медленно опустились.

Он повернулся и зашагал к тренировочному полю.

В лунном свете он остановился и поднял взгляд на иссеченную ветрами и дождями стену — на ней семь лет назад Лу Цзин вывел красной краской:

Я играю в футбол не для того, чтобы победить тебя.

Се Линь закрыл глаза.

Он вспомнил ту ночь: Лу Цзин лежал на больничной койке, его нога была сплошь замотана бинтами, но он улыбался и говорил: Тренер, помнишь? Когда ты впервые учил меня финтам, ты сказал, что истинный обман — это заставить врага поверить, будто он проиграл.

Тогда он кивнул.

Теперь же он понял: Лу Цзин никогда не проигрывал.

Он просто проиграл ему самому.

Се Линь достал из кармана коробок спичок.

Чиркнул спичкой.

Язычок пламени затрепетал, отражаясь в его бледном лице.

Он аккуратно положил тактический план на землю.

Огонь лизнул край бумаги, пополз дальше, беззвучно поглощая чертеж.

Лист скручивался в огне, обугливался и превращался в пепел.

Се Линь не плакал.

Он просто стоял и смотрел на эту горстку пепла, словно наблюдая за неизбежным прощанием.

Огонь погас.

Подул ветер.

Пепел разлетелся в стороны — словно снег, словно обрывки бумаги, словно та самая разорванная семь лет назад карта психологического тестирования.

Он развернулся и пошел к раздевалке.

Позади лунный свет тихо ложился на пепелище, напоминая никем не востребованные похороны.

А железная дверь подвала тем временем тихонько приоткрылась.

Лу Цзин стоял за ней и смотрел в спину Се Линю, пока тот не скрылся в конце коридора.

Он опустил голову и коснулся старого шрама на левой ноге.

Там тупо ныло.

Внезапно он усмехнулся.

Тихо, почти как вздох.

Он вошел на тренировочное поле, подобрал валявшийся на земле мел и вывел на стене строку:

Ты сжег тактическую карту, потому что боялся, что я снова стану ради тебя выкладываться.

Но ты забыл: я вернулся не для того, чтобы победить тебя.

Я здесь для того, чтобы ты увидел — я все еще жив.

Он положил мел, развернулся и направился обратно в подвал.

Дверь мягко закрылась.

Ветер пронесся над пустым тренировочным полем.

Казалось, кто-то шепчет в темноте:

Тому, чему ты меня научил, я обучился.

А теперь твоя очередь учиться у меня — тому, как остаться в живых.

<http://bllate.org/book/19070/1873132>